

Я.М. Цыганова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

В последние десятилетия в отечественной исторической науке оформились и получили развитие направления, связанные с исследованием истории общественной мысли, ментальности, мировосприятия людей определённой эпохи. Наблюдается также всплеск интереса к изучению региональной истории. На пересечении данных двух направлений возникла новаторская исследовательская проблематика – изучение того или иного региона как «историко-культурного пространства». Нас интересует возможность применения этого подхода к изучению истории Среднего Поволжья пореформенной эпохи: второй половины XIX – начала XX в. Этот период можно рассматривать как особый этап в развитии общественно-культурной сферы российского общества; именно в это время прочное место в общественном самосознании заняла региональная проблематика.

Прежде всего, необходимо дать пояснение, что понимается в современных гуманитарных науках под термином «историко-культурное пространство». Несмотря на сравнительную новизну этого понятия, мы можем проследить его эволюцию с 1920-х гг.: генетически оно восходит к термину «культурные гнёзда», предложенному знаменитым историком культуры, литературоведом Н.К. Пиксановым¹. Одной из главных проблем, поставленных в работах Пиксанова, было влияние историко-культурных особенностей отдельных регионов России на общероссийскую культуру.

В современной историографии используется также термин «культурный ландшафт», под которым понимается система культурных взаимосвязей между столицей и провинцией, а в рамках самой провинции – между городом, деревней и усадьбой. Так, особенности «культурного ландшафта» российской провинции XIX в. рассматривали в своих работах культурологи М.С. Каган, Л.О. Зайонц, И.В. Отставнова, пензенский историк Н.М. Инюшкин²; все они отмечали центральную, узловую роль губернского города в формировании культурного пространства провинции.

Несколько характеристик, определяющих своеобразие культурного пространства регионов, выделены в работе Т.А. Чичкановой. Во-первых, это географические и природные особенности региона, влияющие на хозяйство и уклад жизни его населения; во-вторых, это особенности пространства, созданного человеком, – прежде всего архитектуры, в которой отражается исторически сформировавшаяся эстетическая культура населения; наконец, третья характеристика – сфера духовной жизни населения, главной составляющей которой является историческая память, традиции, культурно-исторические особенности³.

Термин «историко-культурное пространство» трактуется современными исследователями как «пространство осуществления образа жизни общества в истории»⁴; в таком случае акценты ставятся на взаимоотношения не только между «центром» и «провинцией», но и между «прошлым» и «настоящим» – на содержание исторической памяти жителей того или иного региона, на способы её сохранения и трансляции.

Историко-культурное пространство можно трактовать как совокупность социальных институтов, которые обеспечивают воспроизводство культурных ценностей и исторической памяти. В исследовании Е.А. Вишленковой, С.Ю. Малышевой и А.А. Сальниковой показано, что, например, для историко-культурного пространства Казанской губернии в качестве стержня, организующего начала выступал Императорский Казанский университет⁵. В тех губерниях, где не было кадров профессиональных историков, миссию хранителей исторической памяти выполняли историки-любители, краеведы и эрудиты: деятели местного самоуправления, приходские священники, представители земской интеллигенции. Их роль в развитии краеведения и становлении регионального самосознания подробно изучена, в частности, в работе В.И. Бердинских, на примере «уездных историков» Вятской губернии⁶. Аналогичная исследовательская работа на материалах «неуниверситетских» губерний Среднего Поволжья (в том числе и выявление тех социальных институтов, которые могли являться центром историко-культурного пространства этих губерний), как представляется, ещё впереди.

Существенной составной частью историко-культурного пространства является также сфера воображаемого, то есть образ данного региона, живущий в исторической памяти общества. Методологическая основа для исследования «географических образов» был подготовлена основоположником гуманитарной географии Д.Н. Замятиним. Он отмечал, что географический образ представляет собой совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты)⁷. Классическим трудом в этой сфере стала работа Э. Сайда «Ориентализм», где прослеживается формирование образов Востока и стереотипов его восприятия в культуре Запада⁸.

Среди современных российских историков, которые занимаются изучением «образной» составляющей историко-культурного пространства различных регионов, стоит отметить М.И. Орешину (в её работах

данная проблематика разрабатывается на примере Русского Севера)⁹, Н.Н. Родигину (изучающую указанные проблемы на примере Сибири)¹⁰. Обобщающие труды по истории крупных регионов нашей страны также содержат разделы, посвящённые образам этих регионов в культуре¹¹. Образы волжских городов в российской культуре и историческая эволюция этих образов стали предметом изучения в трудах самарской культурологической школы: Е.Я. Бурлиной, Л.Г. Иливицкой, Ю.А. Кузовенковой, а также московского исследователя И.И. Рудинской¹².

Продолжая традицию этих исследований, мы бы хотели обозначить некоторые перспективные направления в изучении историко-культурного пространства Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX в.

Прежде всего, необходимо изучение разнообразных форм самоорганизации и, говоря современным языком, «сетевых взаимоотношений» местной интеллигенции: культурно-просветительских обществ, библиотек, народных университетов и т.д., а также кружков, возникавших вокруг какого-либо незаурядного общественного деятеля. (Опыт междисциплинарного изучения роли интеллигенции в формировании «культурно-цивилизационного ландшафта» применительно к городам Сибири представлен в работах В.Г. Рыженко)¹³. На наш взгляд, в «неуниверситетских» губернских городах именно такие институциональные и неформальные объединения выполняли интегрирующую функцию, становились источником общественных инициатив, и, в конечном счёте, формировали инфраструктуру историко-культурного пространства.

Актуальным является изучение «мест памяти» данного региона, разнообразных коммеморативных практик и ритуалов (открытие памятников, мемориальных досок и иных памятных знаков, присвоение имён известных деятелей учебным, благотворительным и культурным учреждениям, учреждение именных стипендий и т.д.). Обращение к таким темам позволит наглядно представить содержание региональной исторической памяти, оценить, каково было соотношение в ней общероссийского и местного, отдалённого и «недавнего» прошлого, религиозных и светских сюжетов; установить, какие художественные стили и «парадигмы памяти» преобладали в репрезентации прошлого. Существенным методологическим подспорьем на этом пути могут стать труды современных историков, посвящённые изучению исторической памяти: П. Нора, П. Хаттона, А. Про, Ф. Йейтса, Я. Ассмана, Л. Вульфа, А.Г. Васильева, Л.П. Репиной, О.Б. Леонтьевой и других¹⁴. Особенную важность в контексте нашего исследования приобретает работа А.В. Святославского, посвящённая воплощению образов прошлого в памятниках монументального искусства¹⁵.

Как уже отмечалось выше, одной из составных частей историко-культурного пространства является образ региона, сложившийся в общественном сознании современников и закрепившийся в исторической памяти последующих поколений. От того, насколько ярким, узнаваемым, неповторимым является образ региона, зависит, насколько важное место занимает он на «ментальной карте» страны или даже всего мира. Поэтому при такой постановке проблемы необходимо определить, какие именно события, темы и сюжеты из прошлого Среднего Поволжья являлись наиболее важными для общественной мысли пореформенного периода, притягивали к себе интерес писателей и художников, многократно тиражировались на страницах изданий, рассчитанных на массового читателя и предназначенных для просветительских целей (например, учебников или путеводителей).

Здесь для историков открывается обширное поле исследования: интересно, в частности, проследить, насколько «легендарная» история края, воплощённая в исторических преданиях, совпадает с историей «фактической», воссозданной стараниями профессиональных историков; в каких случаях миф исторической памяти оказывался более устойчивым и живучим, нежели конкретный исторический факт (примеры тому – легенды о царице Суюмбике, о Степане Разине и его сподвижниках и т.д.); какие события и деятели прошлого вызывали наиболее противоречивые оценки. На основе таких сопоставлений можно выявить особенности исторической культуры и исторической памяти общества пореформенной России; даже противоречия в оценках тех или иных событий и героев прошлого (например, «волжской вольницы») позволят понять, насколько многообразной и разносторонней была историческая память пореформенного общества, какие ценности и «парадигмы памяти» соперничали в сознании образованных людей того времени. Нельзя забывать и о том, что формирование специфического историко-культурного облика Среднего Поволжья проходило на протяжении нескольких веков в условиях взаимодействия различных народов, культур и религий. Для историка важно выявить, как воспринималось и оценивалось это уникальное этнокультурное разнообразие людьми пореформенной эпохи, как оно влияло на формирование культурной среды региона в изучаемый период.

В заключение отметим, что изучение Среднего Поволжья как особого историко-культурного пространства является, на наш взгляд, перспективной темой, так как предполагает, прежде всего, изучение всех вышеуказанных компонентов в совокупности и взаимодействии. Опираясь на хорошо разработанную методологическую базу в плане изучения исторической памяти, «географических образов», культурных ценностей тех или иных эпох, а также на опыт подобных исследований на материале различных регионов, представляется возможным рассмотреть в данном контексте и

историко-культурное пространство нашего родного края – Среднего Поволжья.

Примечания:

- ¹ Пиксанов Н.К. *Областные культурные гнезда*. М.-Л., 1928.
- ² Каган М.С. Москва – Петербург – провинция: «двустиличность» России – её историческая судьба и уникальный шанс // *Российская провинция*. 1993. № 1. С.16-28; Зайонц Л.О. *Провинция: опыт историографии* // *Отечественные записки*. 2006. № 5. С. 70-88; Отставнова И.В. *Пространство российской провинции: «Жизнесмыслы»*. Дисс. ... канд. культурологических наук. Саранск, 2006; Инюшкин Н.М. *Провинциальная культура: взгляд изнутри*. Пенза, 2004.
- ³ Чичканова Т.А. *Развитие российской провинции: культурологический подход*. Самара, 1997. С. 11-17.
- ⁴ Быстрова А.И. *Культурное пространство как предмет философской рефлексии* // *Философские науки*. 2004. № 12.
- ⁵ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани*. Казань, 2005.
- ⁶ Бердинских В. *Уездные историки: русская провинциальная историография*. М., 2003.
- ⁷ Замятин Д.Н. *Культура и пространство: моделирование географических образов*. М., 2006. С. 92-94.
- ⁸ Саид Э. *Ориентализм: Западные концепции Востока* / Пер. с англ. СПб., 2006.
- ⁹ Орешина М.А. *Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем регионалистики*. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2001.
- ¹⁰ Родигина Н.Н. *Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: основные итоги изучения* // *Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.* / Под ред. В.А. Зверева. Новосибирск, 2006; Родигина Н.Н. *«Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века*. Новосибирск, 2006.
- ¹¹ *Северный Кавказ в составе Российской империи* / Ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007; *Центральная Азия в составе Российской империи* / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008.
- ¹² *Город и время. Интернациональный научный альманах*. Т. 1. Самара, 2012.
- ¹³ Рыженко В.Г. *Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования*. Екатеринбург; Омск, 2003.
- ¹⁴ Нора П. *Между памятью и историей. Проблематика мест памяти* // *Франция – память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюижеж, М. Винок. СПб., 1999; Хаттон П. *История как искусство памяти*. С.-Пб., 2003; Про А. *Двенадцать уроков по истории*. М., 2000; Йейтс Ф. *Искусство памяти*. СПб.: «Университетская книга», 1997; Ассман Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., 2004; Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003. Васильев А.Г. *Современные memory studies и трансформация классического наследия* // *Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории*. М., 2008; Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. *История исторического знания*. М., 2004; Леонтьева О.Б. *Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв.* Самара, 2011.
- ¹⁵ Святославский А.В. *История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов*. М., 2013.